

НА БАЗУ

Дождь лил всю ночь. С утра немного распогодилось, и Ник принялся варить в казане солонину из мяса кабана, убитого шофером накануне. Днем ожидался вездеход с начальником и Максом. С отрешенным лицом великого поэта Ник осторожно снимал шумовкой обильную пену. К приготовлению мяса я всегда относился с ревностью, справедливо полагая, что только сам умею это делать с толком.

– Ты все мясо на пену изведешь, – заметил я Нику.

– Что я могу поделывать, когда пена идет и идет.

– Отодвинь казан от огня, сними пену и повесь казан на место, – посоветовал я.

– Так просто? – ухмыльнулся Ник.

Меня всегда поражала в Нике готовность верить любой глупости. Но когда я открывал ему истину, он хитро усмехался, да еще с таким видом, будто сам знает все на свете.

– Действительно, пена больше не идет. И откуда ты все знаешь?

– Не всем же стихи писать. Кто-то должен уметь готовить, чтобы кормить исстрадавшихся поэтов. Дай, попробую, готово ли мясо.

– Ты что, оно же почти сырое.

– Я люблю сырое мясо.

– Мясо кабана и медведя надо варить не менее двух с половиной часов, потому что оно может быть заражено личинками трихинеллы.

– Кого? – не понял я.

– Паразиты такие есть, – небрежно ответил Ник с уверенным видом студента-отличника.

– Откуда ты знаешь?

– На лекции по технике безопасности надо было не спать, а записывать, – срезал меня Ник.

К обеду пришел вездеход. Вернулись Макс с начальником. Оказалось, что второй отряд нашел приличную гаммааномалию с видимой минерализацией из вторичных урановых охр. Поэтому наш отдых и переезд на новое место вновь откладывались.

Начальник попытался заставить Макса дробить и растирать пробы второго отряда. Но завхоз наотрез отказался и с достоинством ответил, что он – заместитель начальника экспедиции по хозяйственной части, а не щековая дробилка или шаровая мельница. Конечно, эта работа тут же была переадресована нам с Ником. Мы без энтузиазма принялись за новую партию проб. Макс без всякой охоты к нам присоединился, и мы быстро закончили камералку.

Утром, наконец-то, распогодилось. Ветер разогнал облака и было похоже, что хорошая погода установится надолго. Мы гадали, что придумает начальник: поедем отдыхать на неделю на Амур, как он обещал раньше, или «что-то еще».

Оказалось: «что-то еще». Начальник объявил, что раз погода хорошая, то надо сделать еще пару маршрутов. Макса он отправлял на базу – послать в химлабораторию в Ленинград растертые нами пробы. Кроме того, завхозу надо было получить в сберкассе деньги и закупить продукты. Шофер вездехода устроил начальнику скандал и потребовал три выходных дня за месяц работы. После завтрака он взял ружье и ушел на охоту. Начальник не растерялся и приказал мне ехать с Максом вместо шофера.

– День туда, день там и день обратно. И закупите продукты нам и для второго отряда: вот список.

Макс отнесся к поездке с радостью, так как ходить в маршруты не любил. Меня вообще не спрашивали.

Наша база располагалась в небольшом поселке возле транссибирской магистрали. По прямой через сопки до нее всего шестьдесят километров. Мы пробирались на гусеничном вездеходе по тайге и болотам целый день. Неожиданно выскочили на старую заросшую, но вполне приличную дорогу. Она шла в нужном для нас направлении.

– Дай мне прокатиться на вездеходе, – привязался Макс, – вот здесь на дороге, а то скоро город.

Я уступил место за рычагами. Макс сначала осторожно, а потом все быстрее помчался по лесной дороге.

– Не гони! – одернул я его.

И тут вдруг тайга расступилась, и дорога вышла прямо на окраину города. С одной стороны грязной улицы стояла тайга, с другой – деревянный забор отгораживал строящиеся кирпичные пятиэтажные дома. Макс растерялся от такой перемены: глухая тайга и сразу каменные дома.

– Тормози, – успел я крикнуть, но вездеход уже выскочил на улицу. Макс, не сбавляя скорости, дернул на себя рычаг левого фрикциона, левая гусеница застопорилась, и вездеход, словно танк, развернуло на месте. Зад машины занесло, и правая гусеница ударила по деревянному забору, который сначала покачнулся, а потом плавно упал по всей длине. Макс отпустил рычаги и вездеход, разбрызгивая грязь, помчался вдоль по улице. Выгонять Макса из-за рычагов было уже поздно. Если остановиться, то надо было отвечать за забор. Городок хоть и крошечный, но все же город. Вездеход могли задержать на несколько дней, и я рисковал получить дырку (прокол) в талоне предупреждений.

– Делаем ноги? – Макс весело посмотрел на меня.

Я махнул рукой, и завхоз поддал газу. Вездеход помчался как бешенный. В конце этой улицы нам надо было опять сворачивать в тайгу. На самом выезде стоял бревенчатый магазин. Под навесом, на широком крыльце, сидели несколько человек местных жителей. За магазином текла мелкая речка, после дождей прилично разлившаяся. Макс поздно заметил реку. На глазах изумленных аборигенов вездеход, как с трамплина, прыгнул с берега и всей массой рухнул на середину реки прямо на стаю гусей. Птицы с криком ринулись в стороны. Всех сидящих на крыльце обдало брызгами. Хорошо, что воды в реке было по пояс, гусеницы сразу зацепили дно и вездеход, стреляя из трубы глушителя как из пушки, легко выскочил на берег и скрылся в тайге.

Через полкилометра Макс остановился, и я выгнал его с места водителя.

– Извини, – завхоз виновато развел руками.

– Эх, надо было тебе около магазина для куражу несколько раз пальнуть из нагана в воздух, – съязвил я.

К вечеру мы заявили на базу, которую снимали в доме у одной пожилой женщины, и нас ждал сюрприз. В тайге дни недели отсутствовали за ненадобностью, а здесь в поселке была суббота и хозяйка истопила баню.

Баня получилась отличная. Пар высочайшего класса, вот только жаль, рядом не было реки. Распаренные мы сели за стол и Макс достал из колодца охлажденную бутылку водки. Увидев её, хозяйка засуетилась и выставила местные разносолы: вяленое мясо изюбря, соленую горбушу, черемшу и маринованные грибы.

– Ну, что, бабка, нацедить тебе пару капель в лампадку? – небрежно спросил Макс, совершенно неуважительно, на мой взгляд, обращаясь к хозяйке.

Но хозяйка не обиделась и принесла граненый стакан.

– Скажешь, когда хватит, – предупредил её Макс, осторожно наливая из бутылки и каждую секунду ожидая, что она скажет «хватит».

Но хозяйка молчала, и когда перевалило за полстакана, Макс не выдержал и спросил:

– Хватит, что ли?

– Ты лей, лей, – не смутилась хозяйка, – я скажу.

– Ты что, думаешь, мне жалко, да? – разошелся Макс. – На, пей! – и он налил целый стакан водки с мениском.

Хозяйка осторожно, чтобы не расплескать, взяла стакан и махом его выпила.

– Ну, ты стакановка, – только и сказал Макс.

Мы поплатились за этот стакан, так как хозяйка удивительно быстро окривела и устроила пьяный дебош: разбила тарелку и грозилась зарубить соседку из-за какой-то курицы. Пришлось запереть хозяйку в комнате, где она быстро угомонилась и уснула.

– Давай возьмем еще одну бутылку, – предложил я.

– У тебя есть, что сказать? – строго спросил Макс.

– Конечно, есть, – не сразу понял я.

– Тогда пойдем и возьмем! – авторитетно закончил Макс.

Бутылка оказалась явно лишней, и мы погорячились, выпив её всю. Опьяневший Макс предложил бросать складной нож в деревянную дверь, за которой спала хозяйка. Я отказался. Тогда завхоз достал наган с явным намерением поупражняться в стрельбе. Я напомнил ему, что мы находимся в поселке. Макс убрал наган в кобуру. Помолчав с минуту, он принял какое-то решение, встал и отправился на улицу в туалет. Я тоже вышел на крыльцо. Туалет стоял в конце огорода. Строение было наклонено вперед градусов на тридцать и не имело задней стенки. Так что когда сидишь, то весь находишься вне стен и крыши и можно наслаждаться видом заросших багульников сопок или стальной артерией транссибирской магистрали. Зато дверь у туалета была от погреба – массивная и тяжелая. Сколоченная из тесаных плах в руку толщиной, дверь своей тяжестью и перекосила строение. Чтобы войти в туалет, надо было сначала упереться в дверь плечом, повернуть вертушку и, удерживая дверь обеими руками, пятиться задом.

Макс, конечно, забылся, повернул вертушку, дверь распахнулась и так хрястнула его по голове, что разбила бровь. Я сидел на крыльце, любовался на яркие звезды и с сочувствием слушал вопли Макса, проклинавшего бесхозяйственную бабку. Макс ушел в дом, а я направился вверх по тропинке к тёмной глыбе туалета. Но оказалось, что Макс оторвал вертушку, на которую закрывалась дверь, и подпер её граблями. Протянув вперед руки, чтобы в темноте нащупать вертушку, я наступил на зубья граблей, и их ручка сильно ударила меня по лицу. Прежде чем я успел выругаться, тяжелая дверь распахнулась и огрела меня по голове. Потеряв равновесие, я покатился вниз по тропинке до самого крыльца.

Я ворвался в дом, проклиная Макса на чем свет стоит, но он уже сладко спал в кухне, расстелив спальник прямо на полу.

На другой день мы отлично выспались, так как ни почта, ни сберкасса в воскресенье не работали. На речке искупались и позагорали всласть.

Вечером я отремонтировал хозяйский туалет, а Макс починил на бане крышу. На следующий день, получив в сберкассе деньги, мы отправили посылку и закупили продукты по списку. На обратном пути решили заскочить в город и перекусить в железнодорожном ресторане. Это заведение называлось рестораном только потому, что здесь подавали спиртное. Мне, как водителю, пить было нельзя, а Макс рассчитывал на пару кружек таёжного пива.

В маленьком зале стояло несколько пустых столиков, покрытых несвежими скатертями. К нам подошла какая-то растрепанная официантка, презрительно осмотрела наши выгоревшие энцефалитки и театрально зевнула.

– Скатерть замените, пожалуйста, – великосветским тоном графа попросил Макс.

Официантка, ни слова не говоря, забрала скатерть и исчезла на двадцать минут. Мне надоело ждать, и я предложил оставить эту гнусную харчевню. Но Макс решил качать права до конца.

Он несколько раз крикнул, и официантка нехотя появилась, но без чистой скатерти.

– Чего вам? – грубо спросила она. – Водки что ли?

– Где скатерть? – поинтересовался Макс, и голос его не предвещал ничего хорошего.

Мне было глубоко наплевать на эту ситуацию, так как из всех ресторанов мира я предпочитал только один, который назывался: «У костра». Но Макс был настроен по-боевому.

– И так сойдет, – процедила официантка, – я убрала скатерть, чтобы вы её не испачкали.

Макс помедлил несколько секунд и не вскипел, как я того ожидал, а спокойно достал из-под стола брезентовую полевую сумку, доверху набитую только что полученными пачками денег. Не спеша, он раскрыл её и, показав официантке деньги, сообщил:

– Видишь, дура, сколько денег? И мы сейчас все здесь пропьём!

Официантка встрепенулась и, нисколько не обидевшись на «дуру», убежала в служебное помещение. Через минуту она появилась в чистом накрахмаленном переднике. Как фокусница, накрыв наш стол хрустящей белой скатертью, официантка подала нам два меню в красной, совершенно новой коленкоровой обложке.

Макс степенно раскрыл меню и стал водить пальцем по названиям блюд.

– Напитки на другой стороне, – нетерпеливо подсказала официантка.

– Я знаю! – Макс держался с видом завсегдатая парижских ресторанов. – А как понимать «плов из гов.?»»

– Не надо остроумничать, это плов из говядины.

– Так, а можно заказать что-нибудь необычное? Душа, знаете, истосковалась по изысканной железнодорожной кухне.

– Тогда возьмите наше фирменное: «колесо от паровоза натуральное», – не смутилась официантка.

– Лучше две «баранины жареные свиные натуральные» и два «компота из свежей капусты», – ухмыльнулся Макс.

– Барана поезд еще не зарезал.

– Ну, тогда вот это! – Макс небрежным жестом графа Монте Кристо показал официантке свой выбор.

– Пончики с медом! – не веря своим глазам, прочитала она название самого дешевого блюда.

– По две порции! – многозначительно добавил Макс.

– А что пить будете? – с неподдельной тревогой в голосе уточнила официантка.

– Два стакана чая с лимоном! – важно ответил Макс, словно заказывал двойной бурбон.

– Тьфу! – официантка, громко топя каблуками расхлябанных лакированных туфель, ушла на кухню.

Мы быстро съели пончики и выпили чуть теплый жидкий чай. Макс щедро бросил на стол мятый рубль, и мы вышли на улицу.

– Черт с ним, с пивом, – усмехнулся Макс, – у ларька выпью, но эта мымра долго меня будет помнить.